

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.04

Правильная ссылка на статью:

Гергилов Р.Е. Процессуальная социология о проблемах цивилизации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 48—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.04>.

For citation:

Gergilov R. E. (2019) Procedural sociology about civilizational problems. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.04>.

Р. Е. Гергилов

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ О ПРОБЛЕМАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ О ПРОБЛЕМАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЕРГИЛОВ Ростислав Евгеньевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: gerro@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6944-4820>

Аннотация. Статья посвящена таким актуальным вопросам, как: процессы цивилизации, децивилизации и степень монополизации насилия как важнейший критерий. В основе работы

PROCEDURAL SOCIOLOGY ABOUT CIVILIZATIONAL PROBLEMS

Rostislav E. GERGILOV^{1,2} — Dr. Sci. (Philos.), Professor; Associate Research Fellow
E-MAIL: gerro@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6944-4820>

¹ St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

² Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to such pressing issues as civilization processes, decivilization and the degree of monopolization of violence as the most important criterion. The study is based on a com-

лежит сравнительный анализ трудов Н. Элиаса, С. Меннела, П. Гляйхмана и З. Баумана. Отмечается главная составляющая цивилизационного подхода: необходимость перераспределения насилия ввиду того, что монополия на насилие является неотчуждаемым и основным правом государства. Анализ и сравнение взглядов упомянутых исследователей позволяют говорить о том, что посредством стремления к унификации и обезличиванию, государство в эпоху модерна способствует становлению человека в обществе не как отдельной личности, а как дистанцирующегося от эмоций "носителя ролей". Цивилизационные стандарты отношения к физическому насилию несут противоречивый и неоднолинейный характер. Результаты исследования помогают выявить "неразрешимую проблему" цивилизации, заключающуюся в эрозии монополии на насилие и росте моральной безучастности в эпоху модерна.

Ключевые слова: насилие, цивилизация, монополия на насилие, Элиас, Дюрр, Бауман

parative analysis of the works of N. Elias, S. Mennele, P. Gleichman and Z. Bauman. The author pays attention to the main component of the civilization approach: the need for redistribution of violence due to the fact that the monopoly on violence is an inalienable and fundamental right of the state. Analysis and comparison of the views of the above-mentioned researchers suggest that by striving for unification and depersonalization the state in the modern era contributes to the formation of a person not as a separate person in society but as a "carrier of roles" distancing from emotions. Civilization standards of attitudes towards physical violence are contradictory and non-linear. The results of the study help to identify an "insoluble problem" of civilization consisting in the erosion of the monopoly on violence and the growth of moral indifference in the era of modernity.

Keywords: violence, civilization, monopoly on violence, Elias, Duerr, Bauman

Тезис о том, что применение телесного насилия в западноевропейском обществе в ходе его развития и демократически-правового контроля государственной монополии на насилие в долгосрочной перспективе снизилось, а степень чувствительности по отношению к применению насилия возросла, подтверждается массивом эмпирических данных. В обществах со сформированными государственными структурами именно этим структурам, являющимся монополистами физического насилия, поручено следить за тем, чтобы физически сильные не наносили безнаказанно физического ущерба физически более слабым.

В большинстве европейских стран на рубеже XX—XXI вв. были приняты законы, запрещающие применение насилия не только в общественных местах, но и в приватной сфере: запрет побоев в качестве средства воспитания детей или право удалять из совместного жилища склонного к насилию партнера. Реализуется этот процесс посредством того, что произошел сдвиг властных полномочий как между родителями/учителями и детьми, так и между управляющими и подчиненными,

вышестоящими и нижестоящими в пользу последних [Elias, 1970: 70—72; Krumrey, 1977: 194—197; 1984].

В этих странах налицо долгосрочная тенденция либерализации государственной системы наказания: снижение применения насилия при уголовном наказании, отмена смертной казни и перенесение отбывания наказания «за кулисы»: в тюрьмы, в педагогические и психиатрические заведения. В североευропейских странах в течение минувшего столетия можно отметить значительное снижение числа судебных приговоров к тюремному заключению, а благодаря введению и распространению альтернативных социально-педагогических и терапевтических мероприятий, смягчение наказаний [van Dijk, 1989: 441; Wurm, 1995: 32—34]. Произвол государственного насилия в сфере наказания ограничен рядом таких процессуальных процедур как имплементация правовых принципов или разделение труда между прокуратурой и судом.

В ходе таких мероприятий цивилизуется и само государственное насилие. Меры принуждения физического характера со стороны государства по отношению к телу заменены формами поощрения и наказания, направленные больше на личность и психику злоумышленника [Heiland, 1993]. Жесткие дисциплинирующие внешние принуждения заменяются более мягкими, способствующими развитию саморегуляции.

В североευропейских странах с 1960-х гг. наблюдается снижение числа желающих подавать заявление в полицию на те или иные совершенные против них противоправные деяния. По данным криминалистов, это объясняется повышенным социальным табуированием проступков и презрительным отношением к совершающим их [Pfeifer, 1994; Wurm, 1995: 30—32]. В большинстве европейских стран в период 1970—1990 гг. значительно снизилось применение полицейскими огнестрельного оружия, что не в последнюю очередь объясняется отношением к этому самих полицейских. Среди них растет число нуждающихся в психологической и врачебной помощи после необходимости его применения [Heuer, 1997]. Рост неприятия полицейскими убийств преступников на месте преступления или во время погони за ними свидетельствует о сдвиге в процессе цивилизации внутригосударственных монополистов насилия.

Действительно, в ходе создания стабильной государственной монополии на насилие, институционализации демократически и в соответствии с правовыми нормами урегулированных механизмов разрешения конфликтов и введении государством мероприятий по поддержанию соответствующего уровня жизни населения, несмотря на некоторые временные возвратные движения, частные случаи проявления насилия все еще относительно успешно контролируются. Большинство граждан западноевропейских стран умирают не от недоедания, холода или физического насилия, а в основном естественной смертью [Elias, 1982: 75; Tap, 1998: 52—54]. Тем самым естественная смерть стала настолько само собой разумеющимся фактом, что вовсе позабылось, что еще не так давно в Европе насильственная смерть была господствующим явлением.

А оживленный дискурс изнасилования в 1990-е годы указывает не столько на действительный рост сексуального насилия по отношению к женщинам и детям, сколько на рост сенсбилизации по отношению к насилию [Rutschky, 1992:

33—35; Wurm, 1995: 32—34]. О долгосрочном росте сенсбилизации по отношению к телесному насилию говорит и снижение уровня насилия в спорте [Elias, Dunning, 1983, 1986], или смягчение насильственной риторики в представлении Бога и представлении потустороннего мира [Ebertz, 1993: 115—117].

Особенно отчетливо заметно это на примере все большего предпочтения альтернативной службы в армии. Отказ от воинской повинности до 1940-х годов жестоко карался, а с начала 1960-х число отказов стало заметно расти. Эта тенденция демонстрирует сдвиг балансов власти между управляющими и управляемыми, между обладателями государственной монополии на насилие и мужской частью граждан в пользу последних. Никогда ранее европейские мужчины разных слоев общества не относились с таким омерзением к убийству на войне как сейчас. А большинство тех, кто вопреки их неприятию убийства проходили срочную службу в армии, «переживали угрызения совести» [Birkenbach, 1985]. Существующая, несмотря на пацифистские настроения общества, относительно высокая готовность к службе в армии объясняется, среди прочего, регрессивной компенсаторной функцией воинской службы [ibid.: 85—87]. Для молодых людей она выполняет функцию мужского ритуала инициации и компенсации мучительных и болезненных цивилизационных ограничений и отказов, производящих партикулярность, потерю межполовых властных полномочий, неуверенность и скуку.

Внутригосударственные сдвиги децивилизации

На фоне обозначенных долгосрочных тенденций усиления чувствительности к применению телесного насилия следовало бы отказаться от огульных жалоб на повсеместный «взрыв насилия» в западноевропейском обществе. При этом забота о дедраматизации «проблемы насилия» не должна вести к отрицанию специфических внутригосударственных децивилизационных процессов. На некоторые сдвиги децивилизации указывал и Элиас: вместе с Э. Даннингом он говорил о проблеме вспышек насилия в среде болельщиков во время футбольных матчей [Elias, Dunning, 1986]. Как процесс децивилизации он рассматривает относительно высокий процент смертельных случаев в результате аварий на дорогах, хотя при этом он указывает на то, что с 1950-х гг. этот процент в большинстве европейских стран, учитывая увеличение числа транспортных средств, скорее, снизился.

Другой пример тенденций децивилизации представляет новейший рост преступлений на почве ксенофобии. После распада советской системы, ввиду возникших экономических и политических потрясений и снижения роли государства, в европейских странах обозначился значительный рост аффективно-насильственной ксенофобии. Итак, перед научным сообществом вновь встает проблема децивилизации.

В рамках процессуальной и фигуративной социологии тенденциям децивилизации, и милитаризации, и насилия, вплоть до 1980-х годов уделялось относительно мало внимания. После своеобразного ренессанса элиасовской теории цивилизации в 1960—70-х годов, его последователи вначале концентрировались на использовании тезиса прогресса цивилизационного процесса для исследования различных сфер жизни, стран и эпох.

Взор на процессы и тенденции децивилизации был обращен значительно позже [Gleichmann, Goudsblom, Korte, 1984; Mennell, 1989, 1990; Gleichmann, 1993; Engler, 1992ab; Fletcher, 1995; de Swaan, 2000]. Это удивительно, поскольку с психологической точки зрения, «мера ненасильственности», а с социогенетической — степень монополизации насилия выступают как важнейшие критерии цивилизационных процессов [Rehberg, 1991: 66—68]. Пренебрежение процессами варваризации и децивилизации связано с тем, что Элиас в своей теории цивилизации ненасильственность в модерне не предполагал как само собой разумеющуюся, а интересовался тем, при каких социальных условиях возможно достижение более высокой степени умиротворения. В работе «О процессе цивилизации» Элиас задавался не столько вопросом социальных условий возникновения насилия — оно рассматривалось им, скорее, как «нормальность» — сколько, наоборот, вопросом возникновения и продолжительного существования социальных и психологических факторов, удерживающих людей от применения насилия в межличностных отношениях. С этой точки зрения сдвиги децивилизации чаще всего выступают лишь в виде временного отклонения от продолжительно доминирующего тренда цивилизации, а не как некие автономные, длительные процессы. Так сдвиги в степени раскручивания спирали насилия могут объясняться как кратковременные исключительные проявления по сравнению с долгосрочно доминирующим цивилизационным трендом. Такая теоретическая аргументация обладает характером самоиммунизации.

В том же ключе, что и Элиас, децивилизационные процессы как то, что происходит, когда процессы цивилизации меняют свое направление, описывает и английский социолог С. Меннел [Mennell, 1990: 205]. По его мнению, децивилизационные процессы характеризуются разрывом цепей взаимозависимости, большей неопределенностью, возвратом насилия, снижением взаимной идентификации, понижением принуждения к задержке агрессивных импульсов и растущего содержания фантазмов в полученном знании. Возникновение процессов варваризации предполагает достаточно продолжительную государственную монополию на насилие и ограниченную умиротворенность территории государства. Сколь бы не были эти факторы релевантными для возможности возникновения децивилизационных сдвигов, они не объясняют причину возникновения тех или иных социально-исторических констелляций. Невозможно объяснить своеобразие динамики и специфическую структуру развития сдвигов варваризации и процессов развала государств действием лишь этих факторов. Здесь теория цивилизации Элиаса в ее ортодоксальной трактовке наталкивается на границы своей объяснительной компетенции.

Напротив, немецкий социолог П. Гляйхман [Gleichmann, Goudsblom, Korte, 1984: 89—93] уделяет достаточно много внимания долгосрочным процессам цивилизации и милитаризации. Используя богатый эмпирический материал, он отмечает долгосрочные сплетения этих двух одновременно протекающих процессов. На межгосударственном уровне он отмечает рост коллективных актов насилия, основываясь на наличии многочисленных армий, войн и увеличении жертв войны в ходе долгосрочного увеличения и распространения средств уничтожения, а также на инструментализации и индустриализации современного

ведения войн. На внутригосударственном уровне он прослеживает ослабление и «тенденцию нейтрализации» специфической для каждой страны стабильной монополии на насилие вследствие относительно неконтролируемого государством производства и распределения оружия [ibid.: 114; Gleichmann, 1993: 72—74]. Тенденция приватизации безопасности отмечается ростом частной, коммерциализированной индустрии безопасности, повсеместно начинающей брать на себя эти функции. Наряду с ростом частных услуг безопасности и приватизацией тюрем, возникновение и распространение «коммунитарных контролирующих органов», направленных на предупреждение опасности, ведут к эрозии государственной монополии на насилие [Trotha, 1995: 153]. По сравнению со все более диверсифицированными преступными группировками (например, с такими надгосударственно оперирующими группами как мафия или другими террористическими группами) и их технологиями насилия, национальное государство теряет потенциал власти и руководства [Thome, 2001: 189—193].

Контролируемый посредством демократической государственно-правовой монополии на насилие порядок безопасности сменяется олигопольным порядком. Это способствует увеличению возможностей для преступной активности. Ввиду того, что теряющее власть и влияние государство не в состоянии, как прежде, гарантировать безопасность, растет спрос на частные услуги безопасности, что, опять-таки, ведет к эрозии государственной монополии на насилие. П. Гляйхман не отвергает результатов полученных данных исследований процессов цивилизации, а лишь распространяет их на сферу процессов милитаризации. С. Меннелл также настаивает на необходимости исследования процессов децивилизации. Правда, он описывает их, скорее, как краткосрочные процессы, лишь на время прерывающие долгосрочные [Mennell, 1990: 214]. Напротив, П. Гляйхман характеризует процессы милитаризации как долгосрочные процессы, которые следует регистрировать наряду с долгосрочными цивилизационными процессами. То, какой тренд доминирует в данный момент времени, приходится устанавливать эмпирически. В то же время амбивалентность и противоречия в отношении к насилию в эпоху модерна все больше привлекают внимание социологов.

Амбивалентность монополизации насилия и удлинения цепочек взаимозависимости

Фундаментальная критика элиасовского тезиса снижения уровня физического насилия в европейском цивилизационном процессе содержится в работах польско-английского социолога З. Баумана. Вслед за Т. Адорно и М. Хоркхаймером он подчеркивает теоретическую важность последствий холокоста для социологических теорий цивилизации и модернизации. Для него холокост как феномен модерна демонстрирует лабильность и хрупкость «природы человека», то есть, «естественное отвращение к убийству и насилию, страх перед осознанием вины и имманентное чувство ответственности» [Bauman, 1992a: 27]. По прошествии более 60 лет после выхода элиасовской работы «О процессе цивилизации», Бауман обнаруживает в концентрации насилия в руках государства, — из которых, по Элиасу, исходит цивилизирующее действие, — в первую очередь, предпосылку к безмерному и ни с чем не сравнимому цивилизационному варварству:

планомерному и рационально проведенному геноциду, подобному холокосту или ГУЛАГу, превратившим XX столетие в «эпоху лагерей» [Bauman, 1994]. В этой связи Бауман характеризует, — как и Дюрр — трактовку укрощения и погашения насильственных импульсов в описанном Элиасом процессе цивилизации как «миф» и самолегитимирующую «пропаганду». «Она [теория цивилизации — Р.Г.] скрывает, что движущие силы модерна подчиняются принуждению, которое они должны, в принципе, нейтрализовать; она скрывает, что то, что для одного выглядит процессом цивилизации, для другого значит быть насильственно нейтрализованным. В процессе цивилизации речь идет не о том, чтобы уничтожить насилие, а о том, чтобы его по-новому распределить» [Bauman, 1996: 38]. В то время как Элиас описывает «цивилизационный процесс» в качестве процесса пространственного упорядочивания и смягчения телесных актов насилия в ходе создания государственной монополии на него, Бауман делает акцент на концентрации и потенцировании насилия. В соответствии с этим, уровень насилия в «процессе цивилизации» не снижается, а безраздельно концентрируется в государстве. Как следствие, возникают две формы насилия: первая — легитимная, контролируемая реализация насилия в процессе господства цивилизации, и другая — неконтролируемая реализация, определяемая господствующими слоями как варварство, и, будучи нелегитимной, строго ограничиваемая.

Бауман отвергает снижение уровня физического насилия в ходе процессов строительства государства. По его мнению, процессы цивилизации и строительства государства сопровождаются, как раз-таки, непомерным ростом насилия, однако не в смысле неконтролируемых, иррациональных, спонтанных вспышек эмоций, а как результат государственно проводимого рационального социально-технологического планирования. С этой точки зрения, насилие по отношению к чужим — это не рецидив цивилизации, а основная и существенная часть модерна. Это следует из того, что рационально планирующее «государство-садовник» заботится о том, чтобы с помощью, включающей и исключающей классификаций, установить порядок и гомогенность, а неассимилированных, «гетерогенных», «чужих» нейтрализовать [Bauman, 1992b: 43—46]. Мишенью государственного насилия становятся девианты, деликвенты, душевно больные и калеки, но прежде всего, занимающие позицию между другом и врагом неклассифицируемые чужие.

Однако в своем стремлении к установлению гомогенности, нейтрализующей многозначность, современное государство порождает, как раз-таки, хаос и амбивалентность, так называемые «отходы модерна». В то время как домодерновые малые общности, благодаря их плотному характеру социальности и обзорности, еще в состоянии классифицировать чужих как друзей или врагов и интегрировать их, в современных больших социальных структурах, характеризующихся разделением труда, дифференциацией и необозримостью, это уже невозможно [ibid.: 83—85]. Поэтому стремящиеся к унификации и однообразию современные государства, в их нетолерантности к различиям и инаковости, стараются все чуждое исключить и с помощью коллективной стигматизации дискредитировать, обезличить и элиминировать. В исключении и защите от чужого участвуют и, зачастую помимо своей воли, связанные с бюрократическими структурами, морально индифферентные ученые, стремящиеся к объективности и заявляю-

щие о своем рациональном и свободном от ценностей подходе [ibid.: 68, 272]. Вместо стабилизации и успокоения совести и распространения социального идентифицирования в цивилизационном процессе Бауман отмечает «развитие моральной индифферентности» посредством государственно-бюрократических принуждений и зависимостей [ibid.: 35—37; Bauman, 1992b: 68—71; 1996: 47—49]. В ходе прогрессирующей и целенаправленной рационализации, бюрократизации, разделения труда и технизации, встраивания человека в безличностные сети современных организаций и новейших информационных и военных технологий, снижается личная ответственность, ослабевают моральные препятствия, на замену которым приходят инструментально-рациональные действия. Люди в модерне выступают больше не как «целостные личности», а как лишь сменяемые, безличностные, фрагментированные «носители ролей». Люди действуют с сохранением дистанции по отношению к своим эмоциям и не чувствуют моральной ответственности за свои встроенные в длинные, необозримые и структурированные в соответствии с принципами разделения труда цепи взаимозависимости, поступки [Bauman, 1994: 31—33].

В своем анализе Бауман опирается, среди прочего, на результаты экспериментов С. Милгрема, проведенных в 1960-е годы. Они свидетельствуют о том, что большинство представителей индустриальных западноевропейских обществ в определенных ситуациях готовы, вопреки своей совести, следовать указаниям авторитетной личности и по ее указанию применять физическое насилие против других людей. Чувство ответственности за свои действия и помехи применению физического насилия быстро исчезают, если человек действует как носитель функций и ролей в иерархически, бюрократически и технологически опосредованных взаимосвязях, и если существует определенная пространственная и психосоциальная дистанция по отношению к жертвам его насильственных действий. Эти структурные обусловленности, характеризующие жизнь большинства европейских стран, усиливают возможность делегирования функций совести авторитетам и позволить заменить ее функционально-инструментальной моралью. Со времени проведения экспериментов Милгрема прошло почти 50 лет, а цепи взаимозависимостей в ходе процессов технизации и разделения труда стали еще более длинными и необозримыми. Тем самым, выкристаллизовавшееся в его экспериментах условие для исчезновения ответственности за собственные поступки даже усилилось. Напротив, властное неравенство и иерархии между социальными группами, между выполняющими приказы и отдающими их в ходе «функциональной демократизации» [Elias, 1989: 176] с 1960-х — 1970-х гг. в целом стали слабее, вследствие чего психическая конституция человека сместилась «с приказной экономики к договорной» [de Swaan et al., 2000]. Характерное для тотальных институтов и тоталитарно-авторитарных государственных систем наличие непреерекаемого, требующего бескомпромиссного послушания авторитета, в западных демократических обществах уже отсутствует. В них конкурируют друг с другом различные социальные центры власти и партии, противопоставляющие свои самые разные интересы и взгляды. Это повышает шансы для развития морального чувства ответственности: «Голос совести обретает особое звучание среди разноголосого политико-социального диссонанса» [Bauman, 1992a: 180].

Даже, если это развитие и может дать надежду, прогноз Баумана на будущее выглядит мрачно. По его мнению, «фрагментарный и дискретный характер человеческих отношений», ответственный за подавление моральных импульсов в эпоху модерна, остается и в ориентированном на потребление постмодерне [Bauman, 1996: 53—56]. Это происходит потому, что в постмодерне государство передает свою интегрирующую и идентифицирующую функции незарегулированным, децентрализованным и частным рынкам, делясь, в то же время, частью своей монополии на насилие с возникающим неутрализованными движениями. Этот общий тезис о непрекращающемся росте насилия противоречит более ранним взглядам самого Баумана. Это обусловлено тем, что в постмодерне посредством ослабления структур «приказ-подчинение» и ослабления принуждений к единомыслию, порядку и гомогенности выпадают центральные моменты оформленности насилия модерна. И характеристика Бауманом модерна как варварства, нестыковки и противоречивости процессов монополизации насилия и цивилизационных процессов также корректна. Это обусловлено тем, что модерн характеризуется не только потенцированием насилия, но и наличием умиротворенных пространств, не только войнами и геноцидами, но и демократически-гражданскими идеями прав человека, социальной справедливостью, равенством возможностей и свободой. Какие теоретические последствия следуют из результатов экспериментов Милгрема и основывающейся на них критики цивилизации Баумана для элиасовской теории цивилизации, еще не до конца прояснено. Однако дискуссия об амбивалентном характере цивилизационных процессов уже началась [Gleichmann, 1993; Waldhoff, 1995: 87—89, 404—406; Engler, 1995: 113—115; Burkitt, 1996; de Swaan, 2000: 8—10].

В свое время Элиас сам указал на то, что цивилизационные процессы в западных обществах обладают двойственным характером и при определенных обстоятельствах достаточно быстро могут повернуть вспять. XX век показал, что контроль над агрессивными импульсами часто ограничивается лишь рамками своей социальной группы, чужие или превращенные в чужих группы он исключает. Убийство человека внутри государства для всех его граждан — за исключением определенных обстоятельств государственной монополии на насилие — запрещено, а вот межгосударственное — для значительной части мужчин в определенных ситуациях — приемлемо и даже необходимо. На межгосударственном уровне конкурирующие между собой страны могут применять физическое насилие, не особенно опасаясь какой-либо жесткой реакции вышестоящей контролирующей инстанции. Страны, достаточно серьезно выступающие с лозунгами прекращения войн, со своей стороны торгуют оружием, применяемым на этих войнах [Eliás, 2001: 226].

Как только контроль над насилием ослабевает, или же вовсе исчезает, — например, во время гражданских войн или войн между государствами, — принятый внутрисоциальный стандарт презрительного отношения к физическому насилию исчезает. Примером тому может служить поведение американских солдат во Вьетнаме и массовые акты насилия албанских парамилитаристских групп в Косово. Цивилизационные стандарты отношения к физическому насилию в разных сферах развивались противоречиво и неравномерно. Если в рамках

демократических обществ, в широких массах населения внешний самоконтроль физического насилия является еще относительно действенным и стабильным, то на межгосударственном уровне он намного слабее: «Но изменились, по сути, лишь способы, с помощью которых в ходе борьбы за власть, войн, революций и других насильственных конфликтов люди убивают друг друга. В первую очередь, это касается применяемой техники и людского массива» [Elias, 1983: 173]. Насколько хрупким является создание экономики совести в современных обществах, свидетельствует то, насколько быстро выстроенный в течение длительных периодов времени с помощью функционирующего аппарата принуждения установленный самоконтроль разрушается, «если государственный аппарат — или же секты и боевые группы, — опираясь на коллективный символ веры, резко крутанут руль управления и дадут приказ убивать себе подобных» [Elias, 1982: 79—81].

Приводя примеры «варварского» поведения американских солдат во Вьетнаме в 1960—1970 гг. и парамилитаристских банд на территории распадающейся Югославии в конце 1980-х гг. как пример кардинального краха западноевропейского цивилизационного проекта, он слишком обобщенно рассматривает серьезную цивилизационную проблему. Действительно, эти преступления характеризуют хрупкость самоконтроля в период прекращения или отсутствия государственной монополии на насилие в конфликтах, подобных гражданским и межгосударственным войнам. В этих ситуациях таких социальных механизмов как централизованная монополия на насилие и удлиненные цепи взаимозависимости, которые, по Элиасу, обеспечивают «цивилизованное» поведение, более не существует. При этих условиях военное начальство ради достижения своих военных целей освобождает участвующих солдат от преследования их по суду за совершенные ими акты (массовых) изнасилований представителей женской части гражданского населения. Именно эту фундаментальную двойственность выстраивания совести обнаружил и тематизировал Элиас: он отмечал, что, с одной стороны, в рамках современных обществ развитых стран при любых обстоятельствах запрещено совершать физическое насилие по отношению к другим людям (мучать их и убивать), с другой — в области межгосударственных отношений это разрешено и даже социально желательно [Elias, 1989: 207—209]. Но и в рамках собственного сообщества, в котором носители государственной монополии на насилие призваны защищать физически более слабого от насилия со стороны более сильного, они не в равной степени реализуют свои полномочия в отношении разных социальных групп.

К тому же, проблематично применение физического насилия органами, наделенными частью государственной монополии, на него самого. С этим связана опасность злоупотребления контрольными функциями самими проверяющими органами ради увеличения своих властных полномочий. Избежать этого можно лишь с помощью следования демократически-правовым принципам контроля и достаточной степени цивилизованности государственных контролеров насилия. «Цивилизованность монополистов физического насилия в рамках одного государства — это неразрешимая проблема» [Elias, 1983: 126]. Помня о холокосте как об исходящей от государства спланированной и четко просчитанной акции (массового) убийства, в центр исследования выдвигается вопрос изучения

процессов цивилизации и децивилизации, а именно: какое влияние оказывают на общество в целом действия, исходящие от организаций, претендующих на легитимную монополию на насилие [армии и полиции] и какие вытекают отсюда последствия. Если группы «Мы», — будь это государство или отдельные социальные группы, — создают убедительные коллективные идеологии, в которых физическое насилие и убийство лишенных идентичности «Мы» социальных групп считаются осмысленными, легитимированными и даже героически воспеваемыми, а жертвы, в то же время, посредством «стигматизирующих наветов» унижаются и «обесчеловечиваются», то это сигнализирует о деструктивном потенциале «цивилизованных» людей. При этом децивилизующий процесс «деидентификации» превращенной в жертву социальной группы, характеризующийся лишением ее таких идентификационных аффектов как сочувствие, участие и сострадание, сопровождается усилением позитивной идентификации в среде остального населения [de Swaan, 2000: 196—198]. Под давлением подобных аффектов и групповых принуждений, а также обещаний приобщения к харизматическому чувству «Мы», как минимум, частично разрушается саморегулирование. Хотя государство, как всегда, гарантирует большинству населения высокий цивилизационный стандарт, оно, в то же время, в определенных анклавах и в ограниченные отрезки времени, совершает бюрократически спланированные акты насилия и варварства по отношению к ранее лишенным идентичности «Мы» группам. «В психологическом, социальном и пространственном смысле этот акт представляет собой форму капсулирования» [ibid.: 196]. Пространственно и социально жертвы загоняются в резервации уничтожения, а охотник (преступник) капсулирует такие чувства как сочувствие от других психосоциальных процессов. Поскольку убийство членов исключенных групп провозглашается во имя «добрых дел», а государство, правительство или «вождь» ответственность за это берет на себя, замешанные в убийствах связанные производственно-бюрократическими цепями взаимозависимости люди не проявляют ни сочувствия жертвам, ни сильного смущения в отношении применения физического насилия. При этом вовсе не обязательно, чтобы преступники чувствовали ненависть или враждебность по отношению к жертвам или, как при непосредственном совершении убийства, «упивались самим актом» [Gleichmann, Goudsblom, Korte, 1984: 112]. Современный уровень организации государства, бюрократизация его институтов, технологизация и индустриализация насилия дистанцируют исполнителей актов насилия от мучений жертвы и дисциплинирует их настолько, чтобы они были в состоянии исполнять свои обязанности, по возможности, эмоционально нейтрально.

Увеличивающаяся в ходе цивилизационных процессов психосоциальная дистанция к окружающим может в определенных ситуациях действовать таким образом, что помехи убийству во имя инструментально-функциональной морали исчезают и жестокость совершается самодисциплинированно. Как свидетельствуют исследования холокоста и эксперименты Милгрема, все угрызания совести делегируются индивидами вышестоящим институтам. Однако это вряд ли следует расценивать как падение ниже достигнутого стандарта, и так же, как и Бауман [Bauman, 1994: 30—32], рассматривать это как достижение современной цивилизации, выраженной в способности к дистанцированным ролевым действиям.

Можно также, вслед за В. Энглером, назвать это самодеструктурирующейся цивилизацией, особенно проявляющейся в наше время в сообществах, нуждающихся во внешних принуждениях.

Двойственность и хрупкость цивилизационного самоконтроля лучше всего демонстрирует тот факт, что в модерне, с одной стороны, обладателями монополии на физическое насилие прямые акты насилия ограничиваются, но с другой — с помощью их стратегически целерационального подхода насилие потенцируется в длинных, необозримых и анонимных цепях взаимозависимости. Сами по себе процессы государственной монополизации могут, но не должны, безусловно, вести к общей цивилизованности. В соответствии с историко-социальной констелляцией процессы строительства государства могут вести за собой как процессы рефлексивной цивилизованности, так и «саморазрушающей цивилизованности» [Engler, 1992a: 45]. Они всегда содержат в себе опасность, что концентрированное государственное насилие против исключенных из образа «Мы» и «обесчеловеченных» социальных групп будет направлено и против членов собственной общности, в результате чего преимущество получают непредвиденные процессы децивилизации.

Несмотря на определенные недостатки элиасовской теории цивилизации, обозначенные цивилизационные проблемы не решаются лишь ее огульным отбрасыванием и квалификацией ее как мифа. Вместо этого, было бы более осмысленным непредвзято исследовать социальные и психологические условия, которые привели к эрозии стандарта чувств, мысли и поведения: долгосрочные тенденции нейтрализации государственной монополии на насилие, процессы милитаризации или дегуманизирующие действия современных институтов. При этом тезис Элиаса о долгосрочных социальных условиях, делающих вообще возможным стабильное саморегулирование, остается в силе. К решению этого вопроса Дюрр не привносит ничего существенного. Раз за разом он приводит сомнительные соображения для исследования децивилизационных сдвигов в современных обществах. Так же, как и Бауман, Дюрр подчеркивает, что расширение и удлинение социальных цепей взаимозависимости в высокоиндустриальных обществах с развитым институтом государства способствуют производству моральной индифферентности. Дюрровская критика фрагментации «целостного» человека вследствие анонимно-опосредующих зависимостей в государственных и городских социальных фигурациях направлена в схожем направлении, что и баумановское предупреждение об опасности деморализации в эпоху модерна. В соответствии с этим, в ходе дифференциации и удлинения цепей взаимозависимости внедрение каждого индивида в анонимные государственные структуры ведет к фрагментации современного человека.

Вследствие удлиняющихся и все менее просматриваемых цепочек действия люди выступают более не как «целое», а всего лишь как «носители ролей». Анонимное общежитие в больших городах, прогрессирующее разделение труда, бюрократизация и технизация способствуют исчезновению чувства персональной ответственности и, в целом, оказывают децивилизующий эффект. Правда, Дюрр меньше чем Бауман заботится о том, чтобы выявить социальный генезис и социальные институты амбивалентных сплетений взаимозависимости. А из наблюдения децивилизующей логики социальных взаимозависимостей Дюрр

делает иные заключения, нежели Бауман. Дюрр настаивает на том, что опосредующий, непрямой и анонимный контроль в современных городских обществах интериоризируется слабее, способствуя тем самым снижению и эрозии моральных стандартов. Он считает, что в современных обществах аффекты и влечения сдерживаются и контролируются менее, чем в сравнительно малых, традиционных общностях с жесткими, прямыми и интимными зависимостями и социальными связями [Duerr, 1993: 75]. Напротив, Бауман согласен с Элиасом в том, что аффекты и влечения в ходе распространения и дифференциации цепей взаимозависимости в современных, технико-бюрократически организованных обществах имеют тенденцию к большему сдерживанию и контролю. Но в отличие от Элиаса, Бауман на первый план выводит не способствующую морали силу современных институтов, а их основанное на длинных цепях взаимозависимости, заменяющее мораль влияние. В эмоциональном дистанцировании по отношению к самим себе и своим действиям он видит, прежде всего, опасность децивилизации, основанной на делегировании ответственности за свое поведение анонимным инстанциям и авторитетам. Таким образом, в современном государстве «носители ролей» в состоянии эмоционально относительно безучастно и без всяких угрызений совести принимать участие в «варварских» актах насилия: дискриминации, в пространственном ограничении и даже убийстве стигматизированных как чужаков и не интегрированных в гомогенную государственную структуру групп [Bauman, 1992a]. Основанная на личной ответственности совесть уступает место функционально-инструментальной совести. Она нацелена не столько на идентификацию с другими людьми, сколько на выполнение, по возможности без излишних трений, функционирующих технических и бюрократических процедур. Непосредственно и опосредованно участвующие в убийствах профессиональные группы формируют «прочную защиту профессионального сознания от соответственных рефлексий по поводу собственного участия в создании и применении средств массового уничтожения» [Gleichmann, 1993: 77]. Современная характеристика «ролевой инстанции», способность эмоционально настолько дистанцироваться от роли, взятой на себя в профессиональной сфере, чтобы не отождествляться с нею полностью, производит также деморализующую индифферентность по отношению к собственным действиям. Гляйхман считает, что «если формирование стабильной способности руководить своими собственными чувствами и владеть своими аффектами, именно в момент исключительно волнительных поводов, является для большинства людей успешным продвижением цивилизации, то инженерии убийства технологически современной военщиной следовало бы характеризовать как более «цивилизованную» по сравнению с менее технологично оснащенными прежними временами» [Gleichmann, Goudsblom, Korte, 1984: 113].

Монополизация насилия, высокая степень разделения труда, технизация и бюрократизация способствуют, с одной стороны, цивилизующей способности самоконтроля, но, в то же время, профессионально контролируемому и аффективно нейтрализованному содействию массовому убийству людей во имя инструментальной рациональности.

В отличие от Дюрра, Бауман не исключает возникновения архаически-деструктивных импульсов, аффектов и влечений ввиду отсутствия прямого и строгого

внешнего контроля. Напротив, он предупреждает об опасности цивилизованного варварства в эпоху модерна, хладнокровного, обдуманного и просчитанного применения насилия, каким оно предстало в виде массового уничтожения людей в немецких концлагерях. Это было бы невозможно без высокой степени эмоциональной дистанцированности. «Модерн не сделал человечество жестоким, он привнес с собой метод, с помощью которого жестокие дела смогли совершать не жестокие люди» [Bauman, 1994: 32].

Кроме того, Бауман не отрицает наличие долгосрочных психогенетических изменений в ходе процессов образования государств и социально-психологических сплетений, вплоть до эмоционального дистанцирования. В этом плане он поддерживает элиасовскую психогенетическую концепцию. Но, в отличие от Элиаса, он оценивает генезис самодистанцирующегося типа личности в эпоху модерна не как «цивилизационное достижение», а как «опасность децивилизации». В этом плане критика Элиаса Бауманом более убедительна и фундирована. Несмотря на это, в оценке децивилизующего влияния удлинения и уплотнения социальных цепочек взаимозависимости в ходе создания государств Бауман и Дюрр солидарны. Эту солидарность резюмирует В. Энглер, отмечая, что особенно бросается в глаза сам факт конститутивной амбивалентности взаимозависимости: «Тот же самый социальный процесс, который наши чувства, наше мышление согласует с взаимовлиянием большого числа других людей, отдаляет нас от чувственно-витальных связей нашей экзистенции» [Engler, 1995: 136].

Распространение цепочек взаимозависимости с помощью бюрократии и других экстенсивных сплетений порождают не только условия для расширения взаимной идентификации и включения все большего количества групп людей в идентичность «Мы», но и, при определенных обстоятельствах, моральное безразличие друг к другу и исключение некоторых групп людей из образа «Мы» [Burkitt, 1996: 146—149]. Создается впечатление, что «конститутивную амбивалентность взаимозависимости» и двойственность процессов монополизации насилия, в конечном счете, понимал и сам Элиас. «Аморальной логике специфических институтов», предлагающих замену личной совести инструментальной, Элиас, в «Штудиях о немцах», противопоставляет «образ гуманного государства» [Elias, 1989: 125]. Этот тезис содержит надежду с помощью демократического контроля государственных инстанций противодействовать распространению моральной индифферентности. Элиас осознает «неразрешимую проблему» цивилизации обладателей государственной монополии на насилие [ibid.: 126]. Но более острой проблемой ему представляется проблема производства моральной индифферентности в ходе распространения цепочек взаимозависимости в эпоху модерна.

Что же можно противопоставить этой опасности децивилизации? Не поможет здесь и дюрровский тезис о «цивилизованной» жизни в малых группах с прямым контролем публичной и приватной сфер жизни их членов. А указания Энглера на «экспериментальную практику имажинарной морали» [Engler, 1995: 142] для социологов остаются такими же неудовлетворительными, как и философские соображения Зигмунта Баумана о постмодернистской этике признания различий [Bauman, 1992b: 281—284]. Однако до тех пор, пока не найдено ничего лучшего, нам придется довольствоваться этими морально-философскими дискурсами.

Список литературы (References)

- Bauman Z. (1992a) *Moderne und Ambivalenz: Das Ende der Eindeutigkeit*. Hamburg: Junius.
- Bauman Z. (1992b) *Dialektik der Ordnung: Die Moderne und der Holocaust*. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt.
- Bauman Z. (1994) *Das Jahrhundert der Lager. Die Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. Vol. 41. No. 1. P. 28—37.
- Bauman Z. (1996) *Gewalt — Modern und Postmodern*. In: Miller M., Soeffner H.-G. (eds.) *Modernität und Barbarei*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. P. 36—67.
- Birkenbach H.-M. (1985) *Mit schlechtem Gewissen: Wehrdienstbereitschaft von Jugendlichen. Zur Empirie der psychosozialen Vermittlung von Militär und Gesellschaft (Militär, Rüstung, Sicherheit)*. Baden-Baden: Nomos.
- Burkitt I. (1996) *Civilization and Ambivalence*. *British Journal of Sociology*. Vol. 47. No. 1. P. 135—150. <https://doi.org/10.2307/591120>.
- van Dijk J.J.M. (1989) *Strafsanktionen und Zivilisationsprozeß*. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. Vol. 72. No. 6. P. 437—450. <https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/988176/STRAFSAN.PDF>.
- Duerr H.-P. (1993) *Obszönität und Gewalt. Der Mythos vom Zivilisationsprozess*. Band 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Ebertz M. (1993) *Die Zivilisierung Gottes und Deinstitutionalisierung des "Gnadenanstalt"*. Befunde einer Analyse von eschatologischen Predigten. In: Bergmann J., Hahn A., Luckmann Th. (eds.) *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 33: Religion und Kultur*. Opladen: Westdeutscher-Verlag. P. 92—125.
- Elias N. (1970) *Was ist Soziologie?* Weinheim; München: Juventa.
- Elias N. (1982) *Über die Einsamkeit der Sterbenden in unseren Tagen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Elias N. (1983) *Engagement und Distanzierung. Arbeiten zur Wissenssoziologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Elias N. (1989) *Studien über die Deutschen: Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Elias N. (2001) *Die Symboltheorie. Gesammelte Schriften*. Band 13. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Elias N., Dunning E. (1983) *Sport im Zivilisationsprozess. Studien zur Figurationssoziologie*. Munster: Lit-Verlag.
- Elias N., Dunning E. (1986) *Quest for Excitement. Sport and Leisure in the Civilizing Process*. Oxford: Basil Blackwell.

- Engler W. (1992a) Die zivilisatorische Lücke. Versuche über den Staatssozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Engler W. (1992b) Selbstbilder: Das reflexive Projekt der Wissenssoziologie. Berlin: Akademie Verlag.
- Engler W. (1995) Die ungewollte Moderne. Ost-West-Passagen. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Fletcher J. (1995) Towards a Theory of Decivilisation Processes. *Amsterdams Sociologisch Tijdschrift*. Vol. 22. No. 2. P. 283—97. <https://ugp.rug.nl/ast/article/view/23723>.
- Gleichmann P., Goudsblom J., Korte H. (eds.) (1984) Macht und Zivilisation. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Gleichmann P. (1993) Gewalttätige Menschen. Die dünne Schale ihrer Zivilisierung und ihre vielen ambivalenten Auswege. *Mittelweg* 36. Vol. 2. No. 6. P. 72—79.
- Heiland H.-G. (1993) Selbst- und Fremddisziplinierung im Zivilisationsprozeß. In: Frehsee D., Löschper G., Schumann K. F. *Strafrecht, soziale Kontrolle, soziale Disziplinierung*. Opladen: Westdeutscher-Verlag. P. 307—327. https://doi.org/10.1007/978-3-322-94179-4_19.
- Heuer H.-J. (1997) Zur Zivilisierung innerstaatlicher Gewaltmonopolisten. In: Barlösius E. (ed.) *Distanzierte Verstrickungen — Die ambivalente Bindung soziologische Forschender an ihren Gegenstand*. Berlin. P. 375—395.
- Krumrey H.-V. (1977) Strukturwandlungen und Funktionen von Verhaltensstandards — analysiert mit Hilfe eines Interdependenzmodells zentraler sozialer Beziehungstypen. In: Korte H., Gleichmann P., Goudsblom J. (eds.) *Materialien zu Norbert Elias' Zivilisationstheorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. P. 194—214.
- Krumrey H.-V. (1984) Entwicklungsstrukturen von Verhaltensstandarden. Eine soziologische Prozeßanalyse auf der Grundlage deutscher Anstands- und Manierenbücher von 1870 bis 1970. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Mennell S. (1989) Norbert Elias: Civilization and the Human Self-Image. New York: Basil Blackwell.
- Mennell S. (1990) Decivilising Processes: Theoretical Significance and Some Lines of Research. *International Sociology*. Vol. 5. No. 2. P. 205—223. <https://doi.org/10.1177/026858090005002006>.
- Pfeifer C. (1994) Die “Explosion des Verbrechens” hat nicht stattgefunden. *Universitas — Zeitschrift für interdisziplinäre Wissenschaft*. Vol. 49. No. 10. P. 919—923.
- Rehberg K.-S. (1991) Prozeß-Theorie als Unendliche Geschichte: zur soziologischen Kulturtheorie von Norbert Elias. In: Kuzmics H., Mörrth I. (eds.) *Der unendliche Prozeß der Zivilisation: zur Kultursoziologie der Moderne nach Norbert Elias*. Frankfurt am Main: Campus-Verlag. P. 59—78.

Rutschky K. (1992) *Erregte Aufklärung: Kindesmißbrauch: Fakten und Fiktionen*. Hamburg: Klein Verlag.

de Swaan A. (2000) Zivilisierung, Massenvernichtung und der Staat. *Leviathan*. Vol. 28. No. 2. P. 192—201. <https://doi.org/10.1007/s11578-000-0013-3>.

de Swaan A., Manor J., Øyen E., Reis E. P. (2000) Elite Perceptions of the Poor. *Current Sociology*. Vol. 48. No. 1. P. 43—54. <https://doi.org/10.1177/0011392100048001006>.

Tan D. (1998) *Das fremde Sterben: Sterben, Tod und Trauer unter Migrationsbedingungen*. Band 2. Frankfurt am Main: IKO-Verlag.

Thome H. (2001) Hilft uns die Kriminalgeschichte, Kriminalität in Gegenwartsgesellschaften zu verstehen? In: Albrecht G., Backes O., Kühnel W. *Gewaltkriminalität zwischen Mythos und Realität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. P. 165—194.

Trotha T. (ed.) (1995) *Soziologie der Gewalt*. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 37. Opladen: Westdeutscher-Verlag.

Waldhoff H.-P. (1995) *Fremde und Zivilisierung*. Wissenssoziologische Studien über das Verarbeiten von Gefühlen der Fremdheit. Probleme der modernen Peripherie-Zentrums-Migration am türkisch-deutschen Beispiel. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Wurm W. (1995) *Jugend, Gewalt und das Versagen der Öffentlichkeit*. *Universitas — Zeitschrift für interdisziplinäre Wissenschaft*. Vol. 50. No. 1. P. 25—42.